

Проблема непрерывного развития городской среды наводит на мысли об историческом процессе формирования застройки и поэтапном сложении образа города. Задачи, продиктованные этическими и юридическими ограничениями при работе в исторической среде, все чаще входят в противоречие с традиционным архитектурным творчеством, и это обстоятельство заставляет задуматься над возможностями дальнейшего развития образа города.

Ключевые слова: историческая архитектурная среда; пространство; образ города; человек; структура исторической застройки. /

The problem of continuous development of the urban environment brings to mind the historical process of building development and the phased formation of the city image. The tasks dictated by ethical and legal restrictions when working in the historical environment are increasingly in conflict with traditional architectural creativity. This fact makes us think about the possibilities of further development of the image of the city.

Keywords: historical architectural environment; space; image of the city; person; historical development pattern.

Непрерывность развития архитектурного образа города / Continuous development of the architectural image of the city

текст

Алексей Буйнов

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Армен Казарян
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
text

Alexei Buinov

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Armen Kazaryan

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Художественные образы, кажется, напрямую обращаются к нашему экзистенциальному чувству и оказывают влияние на наше телесное существо еще до того, как они будут зарегистрированы или поняты мозгом. А художественное произведение может иметь мощное умственное и эмоциональное воздействие, но навсегда остаться без интеллектуального объяснения.

Юхани Палласмаа, «Воплощенный образ» [1].

Архитектура интернациональна по восприятию и всеобъемлюща по своей сути. По определению она охватывает как абстрактное, так и повествовательное, поскольку задействует чувственное и когнитивное, подсознательное и сознательное, эмпирическое и символическое, естественное и искусственное, универсальное и культурно-специфическое. То, как архитектурная среда влияет на отдельного индивидуума и общество в целом и как она формирует наши реакции и поведение, заинтересовало исследователей еще в незапамятные времена. Произошло это прежде всего потому, что на протяжении осязаемой истории человечества это влияние в полной мере использовалось политическими деятелями, режимами и религиозными институтами. В интересах подобных структур формировались пространства доминирования, власти и авторитета, которые создавались, чтобы заставить человека чувствовать себя маленьким, бессильным, незначительным и лишенным свободы воли. Их противоположностью стали резонансные пространства – это пространства, которые отражают нас и обращаются к нам одновременно как к личностям и культурной общности. Это пространства, нам безразличные, которые определяются нашими интерпретациями – интеллектуально, эмоционально и телесно.

Причем и эти пространства, и формирующие их объекты глубоко резонируют с нами как индивидуально, так и коллективно. Они больше связаны с нашей внутренней человеческой сущностью, чем с элементами, которые полагаются исключительно на интерпретацию через слова или символы [2]. Однако достижение того состояния ума, при котором восприятие и связь с окружением являются непосредственными, резонансными, становятся все более и более трудным в современных городах,

построенных нами вокруг себя. Возможно, в этом кроется одна из причин нашего дистанцирования от окружающей среды через социальные сети и смартфоны с последующим погружением в виртуальную реальность.

Но как архитектуре удастся добиться эффекта, результатом которого становится появление связи между нами и нашим культурным и физическим миром, чтобы он отражал и расширял наши возможности? Резонанс этот может способствовать развитию привязанности к месту. Это живая петля обратной связи, которая заставляет нас чувствовать свое присутствие в мире, наше воплощенное существование, ощущение себя в определенном контексте. Без этого чувства индивидуальная искусственная среда не имела бы для нас никакого значения, а культурная и экологическая устойчивость исчезли бы.

Есть общепризнанные факторы, в действенности которых сложно усомниться, например, наше влечение к дневному свету или к природе. Эти факторы окружающей среды стали предметом научных исследований с поддающимися количественной оценке результатами. Одним из основоположников в этой области является профессор неврологии, психологии и архитектуры Пенсильванского университета Анджан Чаттерджи, выделивший три качества пространств, которые воспринимаются как красивые и влияют на благополучие с некоторой изменчивостью по популяциям. Во-первых, это связность: насколько организовано и разобрано пространство или архитектурное произведение. Второе – увлекательность: насколько оно интригующе, богато и вызывает ли интерес к его исследованию. Третье – «домашний уют»: насколько комфортно человек чувствует себя в пространстве и способствует ли оно чувству принадлежности [3].

Все три фактора мы в полной мере можем отнести к исторической архитектурной среде, тема развития которой является предметом этой статьи.

Очевидно, любое вторжение в сформировавшуюся городскую среду не может быть успешным без знания основных постулатов, на основании которых она формировалась и развивалась.

К этим преобладающим важным показателям мы прежде всего относим ландшафт, или топографическую осно-

Работа поддержана грантом 2024 года на проведение фундаментальных и прикладных научных исследований (НИР/НИОКР) научными коллективами НИУ МГСУ, проект №8-392/130. / Acknowledgements: This work was supported by the grant 2024 for fundamental and applied scientific research (Research/R&D) by scientific teams of NR MGSU, project No. 8-392/130

< Рис. 1. Вид на 130-й квартал. Фото Анатолия Бызова

ву, которую при формировании среды использовали очевидно осмысленно, оптимально «налагая» на нее «градостроительную решетку», «транспортный каркас», представляющий собой сетку оптимальных транзитных коммуникаций. В свою очередь, эта сетка являлась основой для ее последующего членения на кварталы – единицы городской среды, отчетливо воспринимаемые и обозримые. Кварталы делили на земельные участки, площадь и местоположение которых напрямую соотносились со статусом владельца и его финансовыми возможностями. Земляные наделы также превращались в подобие планировочной базы и диктовали застройщику появление узнаваемых и знаковых сооружений в соответствующих этой роли местах [3].

При этом сохранялось известное сходство зданий и сооружений, регламентированное жизненным укладом, возможностями «строительного комплекса», сравнительной однородностью строительных материалов, определенной общностью архитектурно-конструктивного подхода и законодательной базы.

Наряду с жесткой регламентацией в определенных вопросах (этажность и пр.) имелось большое количество возможностей для придания зданиям разнообразия их облика. В то же время наиболее ответственные участки городов отличаются комплексным или ансамблевым подходом, что свидетельствует о наличии существовавшей нормативно-градостроительной базы, отраженной в соответствующих правовых актах.

В качестве примера можно привести проект 130-го квартала в г. Иркутске. Работа эта появилась не на «пустом месте»: с конца 1980-х годов в городе, имевшем богатейшее архитектурное наследие, велась планомерная работа по изучению и систематизации не только зданий – памятников истории и культуры, но и исторической городской среды в целом, во всем ее многообразии.

130-й квартал был не первой попыткой иркутских архитекторов сработать в парадигме комплексного подхода, основной задачей которого была реконструкция значительного участка исторической городской застройки. Но именно в этом проекте и в последующем его воплощении сошлось все: и «стопроцентное попадание» с выбором участка, и наличие грамотно прописанных правовых

актов, и благосклонное отношение региональных властей, и системно изученная историческая среда вкупе с большим количеством зданий-памятников, и, несомненно, высокий уровень профессиональной культуры архитекторов и реставраторов, сумевших изначально грамотно сформулировать задачу по воссозданию ЖИВОГО участка исторической среды. Причем среды, находящейся в процессе того самого непрерывного развития [4] (рис. 1, 2).

При этом авторы воспользовались еще одной особенностью, имеющей отношение к регламентации XIX – начала XX века. Тогда для формирования городской застройки (в основном уличных пространств) нормой являлось применение типовых (или, как их называли с конца XVIII века, «образцовых») чертежей или фасадов зданий). В провинции явление носило достаточно массовый характер, и отдельные губернские центры широко использовали эту документацию. Это касалось не только каменных, но и деревянных построек, а также отдельных их элементов: оград, заборов, ворот и пр. Тем не менее желание творчески самовыразиться было велико во все времена. И чем дальше от центра города, тем удивительнее мог становиться декор деревянных домов, иногда почти сплошь покрывавшим фасады зданий «кружевом».

Естественное влияние на формирование облика городов оказывали периодически изменявшиеся стилевые направления в архитектуре. Но тем-то и интересна историческая среда, что при всем многообразии стилевых решений она практически никогда не теряет единства своего архитектурного образа – образа индивидуального и узнаваемого, присущего данному конкретному городу или поселению.

Разумеется, чувства, которые в нас пробуждают исторические города, весьма разноплановы и разнообразны. Их источником является множество причин, но мы попробуем разобраться со спецификой ощущений, которые нам дарит именно историческая архитектурная среда во всем ее единстве и многообразии.

Первым и неоспоримым фактором является индивидуальность и, если хотите, «штучность» каждого здания. Отсутствие налета индустриальности и механистичности, повсеместные признаки ручной работы добавляют в наше восприятие объекта теплоты и человечности. И, конечно,

< Рис. 2. Вид на 130-й квартал. Фото Анатолия Бызова

«Ее Величество» – Деталь... Обилие этих самых деталей позволяет нам любоваться историческими зданиями как произведениями искусства, каждый раз находя в них все новое и новое.

Еще один широко известный постулат, часто приводимый в дискуссиях любителями и приверженцами исторических зданий и сооружений, – большинство объектов сложившейся городской среды гармонично воспринимаются с трех расстояний: издалека (силуэт здания и его пропорции), со среднего расстояния (объект в целом) и вблизи (обилие вышеупомянутых деталей). Солидная доля правды в этом утверждении есть.

В целом старые здания (как и комплексы этих зданий) являются живым свидетельством конкретных периодов развития города и могут многое рассказать о горожанах, их образе жизни и мировоззрении.

При этом знание истории, отраженное в застройке городов, помогает сформировать нравственную основу современного человека и оказывает на него воспитательное воздействие, в том числе и патриотического характера. А наиболее явно участвующие в этом процессе здания становятся ПАМЯТНИКАМИ. Сами по себе, являясь элементами исторического процесса, они вовлекают в него горожан, помогая им определить свое место и назначение. Кстати, само здание – это один из способов для автора если не увековечить себя, то хотя бы материально обозначить свое присутствие в данном месте в определенный момент истории.

И именно этими, во многом бесспорными постулатами руководствуются и некоторые рьяные хранители памятников истории и культуры, стремящиеся вернуть часть городской среды в исторические реалии прошлого. Такой «фокус» иногда удается, но только ценой музеефикации фрагмента среды с полным исключением его (вместе со всеми составляющими элементами) из реальной жизни. Функциональное наполнение объекта при таком решении очевидно: или музей, или собственно памятник. Мертвый объект, лишенный жизни.

Но в отдельных случаях именно такое решение, то есть музеефикация объекта или сохранение за ним традиционной функции, несмотря на ее противоречие современным требованиям к такого рода объектам

или требованиям по инсоляции, проветриванию и другим нормам, оказывается единственным разумным решением. Подобно этому использование только в качестве памятника, музейного образца под открытым небом или под защитным колпаком допустимо для большинства археологически выявленных объектов [5]. Они фактически длительное время не существовали в городской среде и, соответственно, не учитывались поколениями трансформировавших ее зодчих. Сейчас же эти объекты, появившись внезапно в уже существующей среде, сами воздействуют на нее, вынуждая считаться с их присутствием. Древние города, в которых по сей день проводятся раскопки, то и дело приобретают черты отчужденности от привычной среды и установившихся путей коммуникаций. Возможно, поэтому власти мегаполисов не спешат с проведением археологических работ.

В любом другом случае деятельность архитектора должна быть направлена на создание современной среды с присущими ей лучшими качествами, что и является одной из «сверхзадач» в работе современных зодчих.

При этом язык общения с реконструируемой исторической средой ни в коем случае не должен скатываться к заурядной стилизации или подавлению старых форм новыми, стилистически модными объемами, мотивируя это некими требованиями «формального языка эпохи». Да и сама форма, в целом и в своих составляющих, «правильной» является только тогда, когда исходит из правил и условностей своего времени.

Диапазон подобного рода рассуждений не слишком широк и обычно заканчивается апелляцией к вечным принципам архитектуры, что по формальным признакам, безусловно, правильно. Правда, основы эти являются понятиями общими и в известной степени универсальными, а необходима конкретика. Нужны определенные критерии, обладающие смысловой неизменностью во все времена формирования и развития городской ткани. В определенном отношении эти категории должны содержать системообразующие признаки непрерывного развития архитектурного образа города. В разное время к этим важнейшим факторам были отнесены масштабность, структура и материал.

^ Рис. 3. Вид фрагментов 130-го квартала

^ Рис. 4. Вид фрагментов 130-го квартала. Фото Анатолия Бызова

Масштабность в данном случае понимается как соизмеримость в здании общего и фрагментарного в окружающем пространстве и в интерьере, а также соотношение здания с физическими размерами человека. Именно масштаб позволяет имплантировать в существующую ткань исторической застройки новые «единицы» с учетом величины их соотношений и членений.

Структура исторической застройки – это упорядоченная совокупность внутренних связей градостроительной общности, обеспечивающая преемственность и воспроизводимость в изменяющихся условиях. Рука об руку с понятием структуры идет определение морфологии городской среды как конгломерата, определяемого сочетанием нескольких градостроительных типологий в застройке, что полностью соответствует особенностям общности исторических кварталов.

Структура застройки определяет функцию и характер входящих в нее сооружений. При этом каждый раз необходимо найти свою оригинальную вариацию оптимального формообразования, избегая имитаций и бездумного цитирования. К числу упорядочивающих факторов исторической застройки можно отнести ее мелкие членения и пластичность – приемы, используя которые современные зодчие могут не только работать в условиях старых улиц и кварталов, но и обогатить их.

Из огромного количества возможных вариантов архитектор выбирает определенную тенденцию, тем самым принимая на себя конкретные творческие обязательства. Чем понятнее выбранная идея, чем яснее путь ее воплощения, тем состоятельнее само проектное решение.

Приняв за основу гармонизацию нового с исторической средой, архитектор должен осознать свойственные этой среде законы формообразования, согласиться с их главенством и все последующие решения принимать уже на этой основе.

Материал. Выбор материала в строительстве воздействует на структуру и масштаб сооружения не только цветом и фактурой, но и целым набором ощущений. При этом новые и старые материалы должны существовать в определенной гармонии, никоим образом не повторяя друг друга. Естественно, что в прошлом при строительстве городов материалы, в основном, использовались местные.

Это в большей степени определяло образный характер не только отдельных зданий, но и всего архитектурного облика города в целом, обеспечивая ему своеобразие и неповторимость. И, несмотря на возникшую в наше время доступность большого спектра строительных и отделочных материалов, нужно их тщательно выбирать, согласуясь с местными традициями, климатическими условиями, требованиями экологии и общего характера застройки.

В качестве удачного примера подобного подхода еще раз обратимся к комплексу 130-го квартала в Иркутске.

Тщательно проанализировав гамму строительных материалов, которая была характерна для строительства зданий и благоустройства территорий города в конце XIX – первой половине XX века, авторы в полной мере «отыграли» ее и в отреставрированных, и в новых объектах. Основной упор был сделан на применяемом дереве – массиве и деталях – а также на аутентичных материалах покрытия кровель. Вкупе с элементами благоустройства этого оказалось достаточно, чтобы «удержать образ». А частичные акценты современных материалов на новых зданиях своими фрагментарными вкраплениями в большинстве случаев и обозначили ту закономерную связь, которая обеспечивает, хоть и не без ошибок, непрерывность развития городской среды (рис. 3, 4).

При этом использование традиционных материалов и техник их применения, поощряемое рекомендациями международных организаций по охране культурного наследия, может не быть обязательным условием создания гармоничной среды и достойного соседства с памятниками архитектуры. Скорее их применение либо сочетание традиционных и новых материалов может способствовать обеспечению гармонии, как это можно наблюдать в апулийской Мольфетте (рис. 5), но не всегда спасает от диссонансов в пространственной среде, вызванных низким качеством самого архитектурного проекта. Кроме того, известно, что гармония в пространстве может достигаться не только однотипностью форм, однотонностью и одинаковой фактурой, но и игрой на контрастах, с помощью которых можно подчеркивать качества существующего

> Рис. 7, 8. Ареццо.
Центральная площадь
с видами на запад и
северо-восток.
Фото А. Казаряна. 2009

v Рис. 5. Мольфетта. Вид на романский собор и примыкающую застройку со стороны бухты.
Фото А. Казаряна. 2009

произведения зодчества, а не того, которое встраивается в контекст.

Таким образом, три вышеперечисленных вневременных закономерности, не связанные между собой стилевыми направлениями, являются той основой, которая обеспечивает многовековую непрерывность развития городской среды.

Влияние стилевых и национальных архитектурных направлений на традиционно цельный, но при этом почти всегда удивительно разнообразный облик исторических городов является, несомненно, ощутимым. Об этих вопросах нельзя рассуждать, минуя существующие многочисленные примеры.

Обширная центральная часть Санкт-Петербурга на протяжении 300 лет застраивалась гармонично, невзирая на последовательную смену стилевых направлений – от барокко до ар-деко и конструктивизма. При этом строгое соблюдение красной линии застройки и высотного регламента позволяли отрицать обязательность следования стилистическому уподоблению уже существующим объектам застройки. И наоборот – опасность доведения архитектурного творчества до имитаций способна привести к неоправданной подмене истинных форм ложными подобиями. Такого рода «средовой подход» вреден и не может культивироваться на протяжении исторически продолжительного периода времени. Старые итальянские города, даже самые небольшие, подтверждают это же правило. Лучшие городские ансамбли складывались там веками, и многие из них содержат здания, созданные из разных материалов, в разных стилях и цветовом колорите. Из всего многообразия можно выбрать площадки в тосканском Ареццо и ломбардской Мануи (рис. 6–8). Эти варианты – пример того, что столь последовательное развитие ансамблей итальянских городов прекратилось столетие назад, и сейчас они воспринимаются целиком памятниками наследия, выглядят, скорее, как пространственные музейные экспонаты, нежели фрагменты современных городов, дух которых ощутим только на некоторых их окраинах. Хорошо это или плохо – в наши дни вопрос неразрешимый. Экономический выход как будто бы найден: туризм компенсирует отсутствие в таких центрах промышленного производства. Однако для по-

в Рис. 6. Мантуя. Вид на застройку вокруг ротонды Сан-Лоренцо.
Фото А. Казаряна. 2009

следнего уже перестали быть необходимыми городские пространства, и это видно по отсутствию производств в Москве и других мегаполисах.

Чтобы подбор примеров не казался тенденциозным в пользу мировых центров туризма, можно обратиться к двум другим зарубежным городам, с которыми нас связывает общее наследие фрагментов застройки времен принадлежности их к Российской империи. Речь пойдет о Карсе в Турции и Гюмри (Александрополе, Ленинакане) в Армении. Эти древние, в основе своей армянские города в XIX веке (сначала Гюмри, а с 1878 Карс) оказываются в состоянии градостроительного развития по условиям, распространенным на всей территории империи. Активный рост городов, оказавшихся вскоре важными пунктами железной дороги, регулярная планировка и усвоение местными мастерами образцов провинциальной эклектики и модерна стали основами изменения облика восточной застройки. Местный туф и культура его обработки придала фасадам домов необыкновенный колорит. Но с 1920 года по многим параметрам единое развитие этих городов прекратилось, поскольку веками служившая дорога была перерезана межгосударственной границей. Резкое изменение этнического состава Карса в связи с оставлением города русскими и изгнанием армян, а также кардинально разная экономическая ситуация в Советском Союзе и Турции способствовали различному отношению к застройке и судьбе архитектурного наследия города [6].

В Гюмри разрушительное землетрясение 1988 года выдвинуло на первый план задачи восстановления жилого фонда. Однако дело сохранения исторического наследия не забывалось. Восстановлены пострадавшие церкви, служащие, как и в начале XX века, доминантами застройки, формирующие знаковые акценты в пространстве. Новые здания, принадлежащие к стилистическим направлениям, характерным для разных десятилетий развития советской архитектуры, спроектированные профессионально, продолжили организацию живой городской среды. Данное обстоятельство еще раз убеждает в первостепенности обеспечения развития грамотными архитектурными и градостроительными решениями и уважения современных архитекторов к творениям предше-

> Рис. 9. Карс.
Вид на старую крепость
и окружающую среду.
Фото А. Казаряна. 2022

стенников. Гармоничное соседство разновременных домов обеспечивали в Гюмри и мастера традиционной, так называемой вернакулярной застройки, которая существовала вплоть до 1970-х годов [7; 8].

В Карсе наряду с древней крепостью и облепившей ее скалу застройкой, в которой выделялся собор Апостолов 930-х годов, существовал так называемый русский город, построенный отчасти на месте шахристана и разрушивший городские стены. К началу XX века в этой части города сложилась новая среда, и здесь расположился административный центр. Но в последние десятилетия ситуация резко меняется. Реставрируя отдельные здания, старую часть города, которую посчитали непрезентабельной, начали активно сносить. И сейчас ее место вокруг крепостной скалы превратилось в пустырь с отдельными, не связанными между собой постройками. В «русском городе», хотя там и увеличилось число вкраплений новых безликих зданий, сохраняется планировочная сеть улиц, но местами уже утрачивается дух данного места. Исчезли былые доминанты застройки, поскольку в этой зоне давно снесены все церкви. Здания, представляющие собой свидетельства двух разных культур, просто соседствуют, и старая застройка влияет на образ города только местами, на отдельных улицах и при определенном взгляде (рис. 9).

Наряду с не самыми удачными примерами развития городской среды, учитывая психологические и предметные факторы, обеспечивающие непрерывность развития образа поселения, нельзя обойти стороной формирование чувственного восприятия городской среды. Еще раз вернемся к примеру 130-го квартала в Иркутске.

Первое чувство, которое дарит пришедшему талантливо сформированная среда, чувство «принадлежности», которое поощряется как пространственными манипуляциями, так и материальностью. Чувство свободы действий подчеркивает само пространство квартала, поскольку формируется постройками различного размера и типов, позволяющими посетителям найти то, что лучше всего соответствует их потребностям в любой конкретный день или время суток. Пространство для индивидуального размышления, встреч в небольших группах, шопинга или отдыха объединены естественной палитрой

материалов и текстур. Это объединяющая материальность и язык связывает людей с искусственной средой и друг с другом в пространстве. Они же одновременно катализируют это место как культурно-значимое и фиксируют физическую привязанность людей к нему.

Чувство «сплоченности» здесь сочетается с естественным поиском пути, столь необходимым, учитывая не очень широкое пространство, и достигается за счет циркуляции пешеходных потоков, организованной вокруг нескольких соединенных общественных пространств, пересеченных криволинейным в плане ходом и наполненных дневным светом и растениями разного масштаба.

Чувство «очарования» воплощенному решению дает план с плавным, извилистым, похожим на поток маршрутом, который проходит по всему внутреннему периметру квартала, «цепляя» большинство зданий и постоянно меняя перспективу. При этом человека осторожно тянут исследовать путь дальше и обнаружить, что находится «за поворотом», в то время как по пути вырезаются карманы самостоятельных малых пространств, обогащенных текстурой и цветом фрагментов фасадов и малых архитектурных форм, на мгновение удерживающих внимание [9] (рис. 10).

Процесс проектирования никогда не бывает дидактическим или линейным. Он так же, как зеркало опыта, исходит из глубокого архива воспоминаний и моментов практического воплощения, которые сохраняются на протяжении всего творческого пути архитектора на протяжении многих лет. В процессе проектирования наши чувства и восприятие пересекают границу между нами и нашим непосредственным окружением и каким-то образом одновременно усиливают наше осознание этой границы, возвращая нас к себе и нашему жизненному опыту.

Для архитектора-проектировщика крайне важно умение находить условия непрерывности архитектурного развития в том комплексе задач, с которыми к нему обращается заказчик. Но в том-то и особенность профессии зодчего: основным достоинством проектировщика отнюдь не является умозрительная релаксация, скорее ей должен быть свойственен глубокий и многосторонний системный анализ, базирующийся на основательном знании

^ Рис. 10. Схема генплана 130-го квартала

аналоговых групп, регламентов и прямых ограничений, умений ориентироваться в стилистических и композиционных направлениях и многое другое.

Для контроля над проектным процессом архитектору и нужен набор из трех критериев – масштаба, структуры и материала. Но это не более чем один из необходимых инструментов в рабочем процессе, ведь искусство не поддается в полной мере логическим определениям и объяснениям. Человек, помогающий среде развиваться, обязан помнить, что соблазн добиться оригинальности любой ценой, отвергая значение окружения и задач преемственности, – путь, который приведет к утрате целостности архитектурного облика и лейтмотива непрерывности.

Литература

1. Pallasmaa, J. *The eyes of the skin. Architecture and the senses.* – 4th ed. London : John Wiley & Sons Ltd., 2024. – 104 p.
2. Вайнбергер, А., Кристенсен, А., Коберн, А., Чаттерджи, А. Психологические реакции на здания и природные ландшафт // Журнал экологической психологии. – 2021. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101676> (дата обращения: 20.06.2024).
3. Appleton, J. *The experience of landscape.* – Wiley, 1975. – 293 p.
4. Григорьева, Е., Меерович, М., Муллаяров, С. Регенерация исторического квартала в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова в Иркутске. Проект планировки // Проект Байкал – 2010. – № 23. – С. 40–51. – DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.23>.
5. Казарян, А. Ю. Реставрация памятников и современная архитектура. Пересечения образов // Современная архитектура мира. – 2016. – Вып. 7. – С. 114–128.
6. Gurallar, N. *Russian Modernization in the East Anatolia: The Case of Kars* // *Muqarnas*. – Vol. XXXVII. – P. 247–264.
7. Иванов, А. В. Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX — середины XX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2017. – Вып. 9. – С. 159–192.
8. Иванов, А. В. Продолжающаяся жизнь деревянного города. Городец, Экфье, Иркутск // Проект Байкал. – 2009. – № 21. – С. 66–75. – DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.21>
9. Башляр, Г. Избранное: поэтика пространства / [Пер. : Н. В. Кислова и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 373 с.

References

- Appleton, J. (1975). *The experience of landscape*. Wiley.
- Bachelard, G. (2004). *Selected: The poetics of space* (N. V. Kislava, Trans.). Moscow: ROSSPEN.
- Grigorieva, E., Meerovich, M., & Mullayarov, S. (2010). Regeneration of the historic block within the 3rd July St., Sedova St., Kozhova St. in Irkutsk. Development plan. *Project Baikal*, 7(23), 40-51. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.23>
- Gurallar, N. *Russian Modernization in the East Anatolia: The Case of Kars. Muqarnas*, XXXVII, 247-264.
- Ivanov, A. V. (2009). *Prodolzhayushchayasya zhizn derevyannogo goroda. Gorodets, Eksjö, Irkutsk* [The continuing life of the wooden city. Gorodets, Eksjö, Irkutsk]. *Project Baikal*, 6(21), pp. 66-75. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.21>
- Ivanov, A. V. (2017). Regular vernacular – freedom within the grid (the historic centre of Gyumri in the 19th – middle 20th centuries). *Questions of the history of world architecture*, 9, 159-192.
- Kazaryan, A. Yu. (2016). Restoration of the monuments and the contemporary architecture. *Intersections of images. Contemporary Architecture of the World*, 7, 114-128.
- Pallasmaa, J. (2024). *The eyes of the skin. Architecture and the senses* (4th ed.). London: John Wiley & Sons Ltd.
- Weinberger, A., Christensen, A., Coburn, A., & Chatterjee, A. (2021). Psychological responses to buildings and natural landscapes // *Journal of Environmental Psychology*, 77. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101676>